

«Имя, как освящение некое...»

Игумен Земли Русской
преподобный отец наш Кирилл

Альфаю и омегою, средоточию Свято-Успенского Кирилло-Белозерского монастыря является преподобный Кирилл Белозерский. Главным письменным свидетельством о преподобном является житие, написанное известным агиографом Пахомием Логофетом не позднее 1462 г. Древнейший список сего жития, датируемый 1474 г., хранится в Российской Государственной библиотеке. Написано житие со слов «самовидцев» — Кассиана и Мартиана, учеников святого. Благодаря этому обстоятельству образ преподобного воздействует на нас особенно живо и неотразимо. Даже предельно сокращенное изложение жития преподобного Кирилла начертывает нам неповторимый и прекрасный образ одного из главных здателей Святой Руси.

Преподобный «преже иночскаго жития иннок познавашеся» — так житие свидетельствует о предызбранности святого Кирилла. По облечении в иноческий образ Кирилл усердным подвигом хранит и усугубляет восприятую чрез пострижение Божественную благодать: «толико бо стояше на молитве яко иногда и всю ночь без сна пребывати»; «ядь же его бяше толико елико от глада не пастися ему»; в беседах с преподобным Сергием «обою душевную бразду делаящи: ов, сея семена добродетели, ов же, напоая слезами»; вся братия, «видяще его толико труды и смирение, не яко человека, но яко ангела Божия посреди себе имяху»; Кирилл поставленный в архимандриты, «николиже бо вознесся мыслию сана ради высоты».

Уже в самом начале иночества, когда наставнику преподобного старцу Михаилу случалось исходить из их келлии, Кирилл видел диавола «многими видами преобразующася... и страшными образами хотяще святого устрашити. Но Иисусовым званием сии без вести бываху». Текст жития многократно свидетельствует о преподобном как о победителе начальника темных полчищ. К примеру, при основании и начале устройства обители преподобным диавол, «ведый яко оттуду изгнан быти хощет святым», то налагает сон на Кирилла, чтобы убить его падающим деревом, то насылает некоего Андрея, чтобы сожечь святого, то научает боярина Федора ограбить обитель. Но все злоухи-

щрения начальника ада, действующие и непосредственно, и через человеков, неизменно посрамляются великим чудотворцем и прославляют Бога, дивного во святых своих.

И при жизни и по блаженной кончине своей преподобный исцеляет многих бесноватых. Иногда бесы исчезают при одном лишь появлении святого. Так, сын боярина Петра по имени Василий, одержимый бесом, в тонком сне «видит блаженного Кирила в светлых ризах яко жива пришедша. И токмо от видения святого и абче беси без вести быша. Воставшу же Василию от видения и позна себе здрава».

Преподобный через сердечно-молитвенное причастие «державе креста» соделывается непобедимым победителем диавольских полчищ. Одним из внешних пособий в незримой брани с духом лжи и злобы становится устав, который преподобный и сам соблюдал, и ревностно следил за его соблюдением в своей обители. К примеру, по сему уставу преподобный «в монастыри же и в келлии ничто же не веляше имети, ниже своим звати, но вся общая по апостолу имети... хлеб же или вода или ино что таково в келлии никакоже обреташеся, кроме еже руки умыти, аще ли кто к кому приняти случаашеся. Ничтоже в келлии бяше видети разве иконы или книги. Но тако прости от всего бяху едино попечение токмо имуще еже друг друга смирением и любовию превосходити и первее на пении в церкви обрестися. Также и на дело монастырское идеже аще прилучашеся с страхом Божиим отходяаху и бяху работающе не яко человеком но Богови или пред Богом стояще. И не бяше в них некоего празнословия или мирская пытати или глаголати но яко каждо их молча соблюдааше свое любомудрие. Аще же кто и глаголати хотыше но ничто ино разве от Писання... Мед же или ино питие елика пианства имут, никакоже в монастыри обретатися повеле. И тако блаженным сим уставом змиеву главу пианства отреза и корень его прочее исторже. Устави же не токмо же при своем животе меду и иному питию елика пианства имуть не быти, но паче и по своем преставлении таковым не обретатися заповедава».

Перед блаженной кончиной своей преподобный сказал плачущим ученикам: «Не скорбите о сем, но паче по сему образу разумеете: аще стяжу некое дерзновение к Богу и Пречистой Его Богоматере, и делание мое угодно Богу будет не токмо не оскудеет святое сие место, но и болми распространится по моем отшествии. Токмо любовь имете между собою».

Само распространение обители, которая по размерам превзошла Троице-Сергиев и Соловецкий монастыри, является зримым подтверждением того дерзновения к Богу, которое уповал получить и получил преподобный по своем отшествии. Погребен был святой в церкви Успения Пресвятой Богородицы, о чем свидетельствует заключительная часть Службы преподобному Кириллу Белозерскому (XV в.): «Пустыня, иже иногда бесам жилища имущи, ныне же ученик твоих, Кирилле, множеством наполняема украшается, храм в себе пречестен Матере Божии имущи, различными добротами удобрен. Темже в нем днесь сошедшеся, и честный гроб твои обстоюще, любезно покланяющесе, молимся: церквам единомышление даровати молися, и православным князем нашим на враги пособи молитвами си [своими] и душам нашим испроси мир и велию милость».

Служба, как и житие, свидетельствует: преподобный Кирилл был великим воителем против бесовских полчищ. Подобало иметь великую молитвенную силу, чтобы жилище бесовское соделать обителию иноческою. Не только сокровенной, нераздельной силой креста и молитвы воительствовал преподобный. Степенная книга (XVI в.) называет преподобного Кирилла наряду со святителем Московским Алексием и преподобным Сергием благим советником Дмитрия Донского [1]. До наших дней сохранилось несколько посланий Кирилла к сыновьям святого благоверного великого князя Дмитрия Донского, которые свидетельствуют и об очевидном воительстве великого игумена Земли Русской. В послании к великому князю Василию Дмитриевичу преподобный, не изменяя величайшему смирению своему, проявляет вкупе с ним твердость, решимость и дерзновение. Преподобный именует себя «Кирило, чернчище многогрешный». Святой радуется, что князь обращается к нему, и в то же время скорбит: «Ты, господине, — князь великий всея земли русския, и, смиряся, ко мне посылаеши грешному и страстному и недостойному небеси и земли и того самого иноческаго жития. И аз, господине, грешный истинно о сем скорблю недостойнства ради своего; радуемся же ся, господине, благо ради твоего произволения к смиренномуудраго нрава, яко сим сподобится, господине, преблагому нашему Владыце и Господу...» [2, 168].

Смиренномуудрый нрав, по свидетельству преподобного, уподобляет человека «преблагому нашему Владыце и Господу». А именно сие уподобление дает власть духовную право править слово Божественной Истины. По долгу пастырской любви, по долгу мужественного воительства с начальником лжи и всякого беззакония преподобный Кирилл дерзновенно советует великому князю: «Ты же, господине, сам Бога ради внемли себе и всему княжению твоему, в немже ты постави Дух Святый пасти люди Господня, еже стяжа честною си кровию. Якоже бо великия власти сподобился еси от Бога, толиким болшим воздаянием должен еси. Воздай же убо Благодателю долг, святых Его храня заповеди, всякаго укланяясь пути, ведущаго в пагубу.

Якоже бо о караблех есть: егда убо наемник, еже есть гребец, соблазнится, мой вред творит плавающим с ним; егда же кормчий, тогда всему кораблю творит пагубу. Также, господине, и о князях: аще кто от бояр согрешит, не творит всем людям пакости, но токмо себе единому; аще ли же сам князь согрешит, всем людям иже под ним сотворяет вред» [2, 170].

Преподобный советует Василию Дмитриевичу примириться со своими сродниками — князьями Суздальскими, но примириться не любою ценою, а лишь в духе правды Божией: «...в чем будет их правда пред тобою, и ты, господине, смирением своим поступи на себе. А в чем будет твоя правда пред ними, и ты, господине, за себя стой по правде...

Занеже, господине, ни царство, ни княжение, ни иная кая власть не может нас избавити от нелицемерного суда Божия. А еже, господине, возлюбити ближнюю яко себе и утешити душа скорбящая и озлобленная много поможет на страшнем суде Христове...» [2, 172].

В послании к великому князю преподобный Кирилл кратко и емко выражает православное понимание власти — как дарованной Богом «пасти люди Господня», ибо они искуплены честною Его кровию. Люди, подвластные большому или малому властителю, являются достоянием Господним, а не человеческим. Власть предержащая пасет не свое, а Господне стадо и ответ за сие великое послушание будет держать не столько перед человеками, сколько перед Господом. Власть есть не право творить что угодно, а долг и ответственность перед Богом — соблюдать Его всесвятую волю. Ответственность тем большая, чем большею властью наделен человек. Ответственность и ныне, и в день «нелицемерного суда Божия».

Преподобный советует великому князю не надмеваться начальственной славою: «...не возвышаясь, господине, временною славою к суетному шатанию: мал же убо и краток сущий zde живот, и с плотию сопряжена смерть. И сия убо помыш-

Преподобный Кирилл Белозерский.
Икона из мастерской Дионисия, конец
XV — начало XVI в.

ляй — не впадет в ров гордостный. Но бойся, господине, Бога, истинного Царя, и блажен будешь» [2, 172].

Любая власть земная, сколь бы высокою и продолжительною ни являлась, минует, как день вчерашний: только «истинный Царь» царствует во веки веков. Все послание святого к великому князю проникнуто мудрою пастырскою любовью, которая не своего ищет, а угодного Богу. Молитвенная сила сей любви, которою дышит каждое слово послания, путеводит душу великого князя и в его лице всех христиан святорусских к Царству «истинного Царя» и «Благодателя».

По праву смирения и любви, по праву великого молитвенного дерзновения к Богу, по духу прозорливости преподобный завершает свое послание следующими словами: «А милость Божия и Пречистая Богородицы на тебе, на моем господине, на великом князе Василье, да будет, и на твоей великой княгине, и на ваших детках, и мое благословение и молитва, и моей братии. Аминь» [2, 174].

«Милость Божия и Пречистая Богородицы», дерзновенно вымоленная преподобным Кириллом, благодатно почивает не только на самом великом князе и его супруге, но и на его потомстве. Например, одним из знаков сей милости, почившей на потомках Василия Димитриевича, является следующее обстоятельство: игумен Трифон, один из ближайших преемников преподобного, мужественно разрешает великого князя Василия Васильевича (Темного) от вынужденной клятвы, данной Димитрию Шемяке. Благодаря решимости Кирилло-Белозерского игумена на Руси утихает смута и восстанавливается законная власть.

Дерзновенное воительство за правду Божию во всех посланиях преподобного Кирилла неизменно сочетается со смирением и пастырской любовью. Наказательное увещание и обличение достигают спасительной цели лишь в том случае, если проникнуты духом святой любви, духом Креста Христова. В послании к князю Юрию Димитриевичу святой игумен пишет: «А что, господине, скорбишь о своей княгине, что в недуге лежит, ино, господине, воистинну вемы, яко нечто смотрение Божие и человеколюбие Его бысть на вас, — чтобы есте исправились к Нему... И вы, господине, посмотрите себе, исправитесь к Богу невозвратно. И аще, господине, сие обратитесь к Богу, и аз грешный поручаюсь, яко простит вам благодатию Своею вся согрешения ваша и избавит вас от всякия скорби и беды, а княгиню твою здраву сотворит» [2, 174].

Решительный отказ князю в давнем желании увидеть преподобного Кирилла святой смягчает, являя многие причины, в первую очередь свое недостойнство: «Понеже, господине, вы чаете мене здесе, что яз добр и свят, ано, господине, воистинну всех если человек окаяннее и грешнее и всяко студа исполнен» [2, 176].

Завершается послание к князю Юрию словом, исполненным особою молитвенною властью, властью игумена Земли Русской: «Аз, господине, аще и грешен есмь, а рад Бога молити и Пречистую Его Матерь со своею братицею о тебе, о нашем господине, и о твоей княгине, и о твоих детках, и о всех христианех, иже под властью твоею, якоже ти, господине, и прежде сего писах. А Пречистая Богородица, Владычица наша, помилует тя, и покрывает тя ризою своею честною, и наставит тя в разум истинный, и управит тя во царствии сына своего за молитв святых. Аминь» [2, 178].

Молясь о князе, преподобный молится не только о нем и его присных, а «о всех христианах», очевидно подвластных князю, а сокровенно являющихся всецелым достоянием единого Бога. Святой в прозорливом дерзновении обещает князю Юрию быть помилованным Богородицей и управляемым «во царствии Сына своего за молитв святых». Только игумен Земли Русской, имеющий великую молитвенную власть над душами, может обращаться к князю с подобным словом. Каждое слово преподобного есть слово власти имеющего, исполненное особой, благодариванной силой, которая целительно и державно воздействует на душу. Еще одним свидетельством сего является послание святого к князю Андрею Дмитриевичу, в котором Кирилл наставляет своего духовного сына: «Властитель еси во отчине от Бога поставлен — люди, господине, свои смирай от лихоу обычая. Судьбы, господине, судили праведно, как пред Богом право...

И ты, господине, внимай себе, чтобы корчмы в твоей отчине не было, занеже, господине, толка погуба думала: христиане ся, господине, пропивают, а души гибнут...

Такоже, господине, уймай под собою люди от скверных слов и от лаяния, понеже то все прогневуют Бога. И аще, господине, не потщишися всего того управити, все то на тебе възыщет, понеже властитель еси своим людям от Бога поставлен.

А христианом, господине, не ленися управы давати сам: то, господине, выше тебе от Бога вменится и молитвы и поста... А великому Спасу и Пречистой Его Матери, госпожи Богородицы, заступницы христианской, чтобы есте, господине, велели молебны пети по церквам, а сами бы есте, господине, ко церкви ходити не ленилися.

А во церкви стойте со страхом и трепетом, помышляюще в себе аки на небеси стояще. Занеже, господине, церковь нарицается земное небо, в нейже совершается Христова таинства. Блюди, господине, и себе опасно. Во церкви, господине, стоя, беседы не твори и не глаголи, господине, никакова слова празна. И аще кого видиши от велмож своих или от простых людей, беседующа во церкви, и ты, господине, возбраняй. Понеже, господине, то все прогневить Бога. И ты, господине князь Андрей, о том о всем внимай себе, занеже глава еси и властитель от Бога поставлен иже под тобою христианом» [2, 180, 182].

Трижды преподобный утверждает князя в мысли, что он поставленный Богом властитель. Кем поставлен, Тот и възыщет, если князь не потщится править по правде Божией. Святой, поучая князя науке державности христианской, постоянно возводит его ум к Богу — Источнику сей державности. «Благого преблагаго Бога благодарити должны есмы, Того бо есмы создание и раби, — настав-

ляет святой, — честною Его кровию искуплен есмы» [2, 180].

Подобным наставлением преподобный Кирилл, как игумен Земли Русской, возвышает сердце князя к благодарению «преблагаго Бога», который силой Креста созидает нас, искупает от греха и соединяет Тайною Тела и Крови Христовых в народ Божий, в Святую Русь — нераздельную часть «единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви».

Преподобный Кирилл вслед за преподобным Сергием по праву духовного преемства становится игуменом Земли Русской. Главными свидетельствами сего становятся послания к князьям и множество святых последователей великого чудотворца. И то и другое является плодом его великой святости, духовной власти и силы. Через послания к великому князю Василию Дмитриевичу и его братьям преподобный молитвенно наставляет, право правит и благословляет подвластный князьям народ христианский. А через святых последователей своих умножает веру и благочестие на Святой Руси. Само имя преподобного — Кирилл — означает солнце. Великое подобие Христу — Солнцу Правды — соделывает святого светоносной силой, которая просвещает сердца и расточает бесовский мрак.

Служба преподобному Кириллу XV в., спустя лишь немного времени после блаженной кончины святого, свидетельствует: «Уже преславное твое житие всюду, преподобне, прославляется, и чудеса твоя в концах проповедаются, темже, в память твою шедшиеся, тя почитаем».

О некоторых фактах почитания святого рассказывает нам «Летопись...» архимандрита Иакова: «Между 1461 — 1464 гг. Московский князь Василий Васильевич и митрополит Феодосий озаботились уже о составлении жития преподобного и службы ему и, по их поручению, то и другое (житие и канон) было написано Пахомием, неромонахом Афонской горы. С XV же века начали помещать имя преподобного Кирилла, Белозерского чудотворца, в месяцесловах наряду с именами святых Алексия митрополита, Сергия, Стефана Пермского, а в одном Евангелии конца XV в. показаны в месяцеслове чтения евангельския из русских святых монгольского периода только Алексию митрополиту и Кириллу, «иже на Белезере создавшему велику лавру пресвятыя Богородицы». При молитвенных воззваниях в XV и XVI столетиях имя преподобного Кирилла употребляется наряду с именами святителей Алексия и Леонтия, преподобных Сергия и Варлаама, Александра Невского. Указанием на молитвенное заступничество сих святых митрополит Терентий ободрял Иоанна III (в 1480 г.) на борьбу с Ахматом, на них ссылался митрополит Дани-

Преподобные Сергий Радонежский и Кирилл Белозерский. Фреска из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, конец XV – начала XVI в.

ил, когда на Соборе 1525 г. доказывал Максиму Греку правильность владения монастырскими вотчинами. Но, когда русская церковь установила чествование преподобному Кириллу, Белозерскому чудотворцу, об этом сведений нет» [3, 10].

Святая Русь считает преподобного Кирилла одним из главных своих здателей, хранителей и воителей. Великий чудотворец воительствует против духов злобы поднебесной и их слуг человеческих не только в период татаро-монгольского лихолетья. Святой воительствует и ныне, уже отошедши в Церковь Небесную.

В исторических, литературоведческих и религиозных исследованиях преподобный Кирилл известен своею разносторонностью. Эта разносторонность подтверждается и келейной библиотекой святого, в составе двенадцати рукописей которой есть сборники энциклопедического содержания [4, 50–70]. Г. М. Прохоров в предисловии к Житию преподобного Кирилла [2, 24–40] характеризует святого как деятельного организатора и хозяйственника, который «и получал в дар, и сам покупал села и деревни»; как судию, ибо «около-монастырские» крестьяне оказывались подсудны не княжеским чиновникам, а монастырским властям, что укрепляло нравственные устои местного

населения; как книжника, натуралиста, врачевателя, поэта, учительного старца. Многообразие духовных дарований святого воспевается и в Похвале преподобному (XV в.), и в 12-м икосе акафиста (составлен не позже 1881 г. А. Ф. Ковалевским): «Радуйся, Пресвятая Единосущная Троицы усердный служителю; радуйся, Пресвятая Владычицы Богородицы достойный избранниче. Радуйся, ангельских сил светлый собеседниче; радуйся, Предтечи Господня пустыннолюбивый подражателю. Радуйся, пророков Божиих прозорливый подобниче; радуйся, апостолов Христовых единомысленный последователю. Радуйся, мучеником добродетельным сравнимый в подвигах терпением; радуйся, святителем богомудрым соревновавший душеспасительным учением. Радуйся, сияющая звезда в лице преподобных; радуйся, блаженный сожителю праведных и всех святых. Радуйся, о немже радуются и Бога хвалят человецы; радуйся, егоже трепещут темные адские силы. Радуйся, Кирилле, великий чудотворче!»

Многообразие внешних и внутренних дарований святого Кирилла содействуется необходимым условием, чтобы быть игуменом Земли Русской, полно и право правящим слово Божественной Истины. Именно это высокое и особое служение выделяет и отличает Кирилла в среде множества святых, в земле Российской просиявших.

Первая деревянная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы была поставлена в обители еще при жизни преподобного. Поставлена дре-

воделами, никем не званными: они пришли по молитве святого.

При игумене Трифоне († 1447) монастырь распространяется, а во второй половине XV в. никаких крупных построек здесь не совершается, так как в это время среди братии усилилось воздействие нестяжателей. Однако с конца XV в. строительная деятельность в обители возобновляется. Здесь под влиянием Москвы деревянные сооружения стали заменять на каменные, и первым грандиозным сооружением сего периода становится собор Успения Богородицы, выстроенный на месте сгоревшей церкви. Освящение храма, поставленного за пять месяцев, совершилось 8 сентября 1497 г., в день Рождества Богородицы. «Со второго десятилетия XVI в., — по свидетельству историка Н. Никольского, — идеи нестяжателей в Кириллове монастыре уступили место учению сторонников строгого общежития, неизбежною особенностью которых были заботы о благоустройстве зданий, назначенных для общего дела или общей цели. С этой поры постройка новых церквей и в особенности служб и келлий стала следовать здесь одна за другой, сообщая внешнему монастырскому устройству вид кремлевой обители.

Уже в 1519 г. здесь была отстроена трапезная каменная церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы и освящена 21 ноября того же года» [5, 25].

В 30-х годах XVI в. в Кириллове монастыре ставятся два больших храма — в честь Усекновения главы Пророка и Предтечи Иоанна и в честь Собора архистратига Гавриила. Поводом к сему послужило знаменательное событие. В Филиппов пост 1528 г. в обитель приезжал на богомолье великий князь Василий Иоаннович со своей второй супругой Еленой Глинской. Через восемь с половиной месяцев, в день Усекновения главы Иоанна Крестителя, рождается наконец долгожданный наследник престола, нареченный Иоанном, впоследствии первый царь русский и помазанник Божий. Во имя ангела новорожденного Иоанна и была названа церковь Усекновения главы Иоанна Крестителя с приделом преподобного Кирилла — в ознаменование молитвенной помощи святого при чадородии. А посвящение другой монастырской церкви свидетельствует о дне рождения самого великого князя Василия Иоанновича, который приходится на Собор архистратига Гавриила. Придел в той церкви во имя «царя Константина и матери его Елены» сооружен во имя ангела супруги Василия Иоанновича. Обе церкви были построены в 1531—1534 гг. и освящены через четыре месяца после их окончания в один и тот же день. «В лето 7043 декабря 13 (т. е. в 1534 г.), — приписано на одном монастырском синодике, — священы быша в Кириллове четыре

престола, два в монастыре, а два на горе в один день; в монастыре — собор архангела Гавриила, да царя Константина и Елены, а на горе усекновение Предтечи, да чудотворца Кирила, а свящал владыка вологодцкой Алексей» (бывший некогда игуменом Кириллова монастыря) [5, 28].

После сооружения церкви «на горе» возникает как бы отдельная обитель, которая, однако, навсегда остается в подчиненном отношении к главной половине монастыря. «“На горе”, — по свидетельству Никольского, — были построены келлии, где стали жить “старцы убогие”, получавшие “корм” (т. е. пищу) из главного монастыря и на содержание которых правительство выдавало братии вспомоществование. На горе возникло свое отдельное кладбище, были построены монастырские службы, трапезная с церковью во имя преподобного Сергия, погреба и разные келлии; но поварни, кажется, не было здесь; пищу старцам приносили из большого монастыря» [5, 29].

Сооружение «на горе» церкви в честь Усекновения главы Крестителя Господня Иоанна сделалось видимым знаком невидимого участия преподобного Кирилла в державном созидании Святой Руси.

Рождение первого русского царя и помазанника Божия на престоле Русского царства связано с именами двух святых собирателей и игуменов Земли Русской: будущий «игумен всея Руси» — Иоанн Грозный был вымолен в Доме Пречистой и чудотворца Кирилла, крещен у раки преподобного Сергия Радонежского в Свято-Троицком монастыре. Само рождение Иоанна IV в день великого праздника — Усекновения главы пророка и Предтечи Иоанна — глубоко знаменательно. Пророк, убиенный за правду Божию, за удерживание рода человеческого от зла и греха, соделывается небесным покровителем царя Иоанна Грозного. Грозного — для внешних и внутренних врагов ревностно создаваемой царем святой державы.

Переломный момент царствования Иоанна Васильевича — учреждение опричнины (в 1565 г.), вся история существования которой неразрывно связана с Александровой слободой, расположенной в 112 верстах от Москвы, по дороге из Троице-Сергиевой лавры на Белоозеро. Именно сюда, в излюбленное место своего пребывания, удалился Иоанн перед принятием решения об учреждении в стране опричнины, здесь же был впоследствии, на протяжении 30 лет, ее центр, устроенный по образцу монастыря. Решение об установлении опричнины объявляется Иоанном IV после переселения в Александрову слободу, где с царем, по свидетельству расходных книг Кириллова монастыря, имели весьма частые сношения старцы кирилловские и через своих посланных и лично. Вполне возможно, что старцы кирилловские ока-

зали воздействие на перемену в характере державных действий царя, который считал, что не имеет права изменить делу Божию — строению Святой Руси, созидание которой он считал своим царским «тяглом» и Богом данным служением. Подводя итоги царствования Иоанна Грозного, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн говорит: «Дело жизни царя было сделано — Россия окончательно и бесповоротно встала на путь служения, очищенная и обновленная опричниной. В Новгороде и Пскове были искоренены рецидивы жидовствования, Церковь обустроена, народ воцерковлен, долг избранничества осознан» [7, 152]. «Труды Иоанна Васильевича завершили сложение России, — сложение столь прочное, что и восемь лет злополучной смуты (1605—1613), новые измены боярские, походы самозванцев, католическая интервенция и раскол церковный не смогли разрушить его» [7, 148].

С момента воцарения Иоанн IV уделял особое внимание обители чудотворца Кирилла. В смертельной болезни юный царь дал обет посетить Кирилло-Белозерский монастырь. Царь исполнил обет, несмотря на отговоры вельмож. Уже из этого обстоятельства мы видим, какую великую веру имел первый самодержец всея Руси к великому русскому святому. Царь выражал желание принять пострижение в обители чудотворца Кирилла. Иоанн IV проявлял внимание к монастырю не только щедрыми пожертвованиями и собственными посещениями, но и посланиями, которые свидетельствуют об искреннем благочестии государя.

Когда в монастыре в 1554 г. возвели церковь на могиле Владимира Ивановича Воротынского на средства его вдовы, то Иоанн в своем известном послании игумену Косме с отеческой властью обратился к кирилловской братии: «А вы се над Воротынским церковь есть поставили! ино над Воротынским церковь, а над чудотворцом нет; Воротынской в церкви, а чудотворец за церковью... Слышах брата некоего глаголюща яко добре се сотворила княгиня Воротынского, аз же глаголю, яко не добре, по сему первое яко гордыни есть и величания образ еже подобно царьстей власти церковью и гробницею и покровом почитаться; и не токмо души не пособь но и пагуба: души бо пособие бывает от всякаго смирения. Второе, и сие зазор не мал, что мимо чудотворца над ним церковь» [5, 32—33].

В послании слышится увещательный и наказательный глас игумена всея Руси, ибо для Иоанна Грозного служение царское являлось прежде всего служением святой Церкви. «Зазор не мал» был устранен в монастыре в царствование сына — Феодора Иоанновича: в 1585—1587 гг. здесь сооружается церковь преподобного Кирилла (освящен храм в день памяти святого — 9 июня).

Еще при жизни Иоанна IV на средства его сыновей в 1572 г. сооружается церковь преподобного Иоанна Лествичника с приделом во имя святого Феодора Стратилата. Иоанн Лествичник и Феодор Стратилат — святые, тезоименитые сыновьям царя Иоанна. По словам первой монастырской описи 1601 г., многие внутренние украшения как этих церквей, так и построенных ранее были или сделаны «из царской дачи» или готовыми доставлены из Москвы.

В конце XVI в. в монастыре сооружаются еще два храма — церковь Преображения Господня и церковь преподобного Сергия Радонежского. Прямой связи между постройкой храмов и Иоанном Грозным нет, однако достаточно очевидно, что без богатых вкладов царя монастырю было бы не под силу обширное храмовое строительство.

Во второй половине XVI в. благодаря неустойчивому, самоотверженному, жертвенному служению игумена и самодержца всея Руси складывается — уже на века — святая держава. В то же самое время, благодаря ревностному попечению того же царя-игумена, складывается и храмовый облик Свято-Успенского Кирилло-Белозерского монастыря. К концу XVI в. в обители было поставлено девять из одиннадцати храмов — именно они определили лик монастыря, сделали его средоточием. Царь, вымоленный у святых мощей преподобного Кирилла, становится державным создателем святой державы и святой обители. Сие великое служение Иоанн IV несет при молитвенном содействии великого чудотворца и воителя — преподобного Кирилла.

Одним из многих свидетельств особого внимания Иоанна IV к обители чудотворца Кирилла является сооружение здесь на царские средства в 1567 г. келлий, называвшихся «государскими хорами». Царь, плененный жизнью кирилловских иноков, издавна мечтал стать постриженником обители. У сыновей Грозного также были свои келлии в Кирилловом монастыре. В 1601 г. всех братских келлий, кроме помещений для должностных лиц, насчитывалось здесь 47. В каждой келлии проживало по несколько человек. В первой четверти XV в. келлии располагались по всему монастырю, преимущественно около ограды, образуя собою неправильный полукруг. Келлии игумена помещались направо от Святых врат, а келлии для служебных лиц (старца поваренного, огородника, конюшенного и т. п.) строились вблизи тех служб, которыми они заведовали. Примечательно, что первоначальные келлии (в XV в.) «ставились иногда руками самих монахов и по размеру своему нередко бывали настолько малы, что в них едва помещался человек. Строились они из дерева и имели вид небольшой избы, состоявшей из одного помещения или ком-

наты, в которую обыкновенно вела низкая дверь, иногда с оконцем» [5, 36–37]. В таком устройстве келлии мы видим образ пенцеры — первоначального жилища преподобного.

Это ценнейшее сведение Н. Никольского о внешнем устройстве монашеских жилищ говорит о многом из сокровенной, внутренней жизни монастыря. Например, о том, что кирилловская братия (по примеру своего святого первоначальника и игумена) были продолжателями самых высоких традиций молитвенной практики русского монашества, так как деревянные келлии свои кирилловские старцы устранивали по образцу затворнических келлий аскетов — пещерноподвижников древнейших обителей Руси, в частности знаменитого Свято-Успенского Киево-Печерского монастыря [8].

«В конце XVI в. мы видим в монастыре уже целый ряд служебных построек, или существующих (отчасти поновляемых), или вновь возникающих... В 1568 г. в июле “на швальне ставили щолкавское сушило и мшили в кожевне и нутр сделали и печь склали; ставили кузницу котельную и горн и чюлан к кузнице поставили и покрыли”. В 1580 г. в монастыре был поставлен “калачный анбар”. В 1581 г. уже существовали солодежня, гостинный двор, кузничная изба; на швальне ставилась новая чюлочная изба, поправлялась келья гостинная, т. е. помещение для приезжих...

В первые годы XVI в. в монастыре ремонтировались казна и сушило, после того как пожар 1604/5 г. истребил сушило, находившееся на палате, вероятно казенной...

Почти одновременно в монастыре расширялись и подправлялись склады для сельских продуктов и поварни, что было вызвано, очевидно, увеличением численного состава братства и корпорации монастырских слуг и людей... В начале XVII в., когда в монастыре проживало до 1000 человек, здесь существовало несколько отдельных поварен со специальным назначением: поварня естовная, стрелецкая, княжая...» [5, 43–44].

В 1612 г., после неудачной осады Троице-Сергиевой лавры, множество поляков, литовцев, немцев, татар, казаков и других воровских людей двинулось на север, и часть их 20 августа подошла к Кириллову монастырю с Уломской дороги. В то время за оградой монастыря размещалась масса служебных деревянных построек с припасами и скотом, чем и воспользовался неприятель: постройки сжег, а скот и припасы разграбил. Однако сам монастырь в свой первый приход неприятель не тронул. Но ночью 5 декабря шайки литовцев вновь появились у стен обители и под руководством пана Бобовского пытались приступом взять ее, но безуспешно [5, 51–52]. Следующий приступ, в ночь на 11 декабря, под руководством пана Песоцкого тоже был безуспешен. «Всего было

убито врагов человек 60 или 100; многих переранили» [5, 54]. В числе убитых оказался и предводитель отряда пан Песоцкий, а также много других панов. «Первый отряд (убитого пана Песоцкого) уходя от Кириллова, рассуждал: “Не устояла-де от нас Москва и Великий Новгород и иные многие города, а Кириллову де монастырю от нас не устояти”» [5, 55]. Но монастырь устоял, хотя в сентябре 1612 г. в стенах обители было лишь 200 стрельцов — в несколько раз меньше, чем в отряде пана Бобовского. Устоял и в последующие годы. Причину неодолимости монастыря историк Н. Никольский видит в хорошо налаженной разведочной службе, в малопроходимых дорогах и в отсутствии единства между неприятельскими шайками [5, 56]. Однако все это не мешало подходить к монастырю в конце 1613 г. и позже значительным литовским силам [5, 57]. По замечанию того же Никольского, «осторожность заставляла их удаляться». В основе этой осторожности — не только внешние причины (например, новая стена, построенная в 1612 г. у Ивановского монастыря; нынешних оборонительных стен вокруг монастыря тогда еще не было). Сами литовцы говорили: «К Кириллову монастырю мы зимусь (т. е. в декабре 1612 г.) и летось (в 1613 г.) приступали и лесницами, да Бог их помиловал...» [5, 57]. К словам литовцев можно добавить: помиловал по молитвам преподобного Кирилла. Обитель Кирилловскую называют единственной на Севере, куда не смогли вторгнуться разбойники во время разорительных лет смуты, хотя и рвались в нее более, чем в другие монастыри в поисках богатств. «Кирилло-Белозерский монастырь, — по свидетельству архимандрита Иакова († 1896), — во все время твердо следовал призыву патриарха Гермогена стоять за православную веру и русский народ против их врагов» [3, 44].

Видимое возрастание и укрепление обители, которая уже в XV в. «называлась великою лаврою Пречистой Богородицы» [3, 11 об.] нельзя расценивать лишь как результат успешной хозяйственно-строительной и военно-оборонительной деятельности монастырских властей. Само возрастание обители — до крупнейшей на Руси — становится неоспоримым подтверждением пророческих слов преподобного о распространении обители по его отшествии ко Господу. «Как удельные, так и великие князья имели великую веру к преподобному Кириллу и большую любовь к его обители и постоянно пеклись о ее благоустройстве и благосостоянии, помня заветы преподобного. Владение вотчинами, чему начало было положено преподобным Кириллом в XV в., сильно расширилось: обитель не только обладала землями, расположенными в Белозерском крае, но и в Вологодском уезде, Ростовском, Влади-

мирском, Костромском, Московском, в области Пскова и Новгорода, в Тверском княжестве и Двинской земле» [3, 20].

«Для управления крестьянами, живущими на монастырских вотчинах и для отправления государственных повинностей монастырь нуждался в посторонних лицах, не принадлежащих к иноческой братии. В начале XVII в., по описи 1601 г., их всего было триста девяносто один человек» [3, 29].

Самой обширной из вотчин было подмонастырье. Эта вотчина «простиралась вокруг монастыря во все стороны верст на шесть — на семь» [3, 36].

Благодаря вере, «которую питали к преподобному Кириллу именитые и простые люди, обитель его стала скоро, еще при жизни ее основателя, богата вотчинами и земельными угодьями, обеспечившими ее существование. Особенно были благорасположены к обители и много принесли ей вкладов супруга Дмитрия Ивановича Донского Евдокия и его сын Андрей Дмитриевич, удельный Белозерский князь» [3, 7 об. — 8].

Как видим, архимандрит Иаков оценивает обогащение обители земельными угодьями не столько с материальной, сколько с духовной точки зрения. А именно в духовном взгляде на вещи и события выражается их подлинный смысл. Единодушен с архимандритом Иаковом и историк Н. К. Никольский в следующем своем высказывании: «Без всяких убытков и расходов монастырь стал владельцем почти половины своих земель. Это счастливое соотношение безвозмездных приобретений с платными зависело прежде всего от силы той религиозной “великой веры”, которую имело благочестивое общество к Кириллову монастырю» [6, 6 — 7].

При духовном взгляде на вещи обогащение обители свидетельствует не столько о материальной стороне ее жизни, сколько о великой вере и любви православного народа к Дому Пресвятой Богородицы и чудотворца Кирилла. Обильные пожертвования монастырю именно с материальной точки зрения становятся совершенно необъяснимы и безрассудны. Зато как выражение веры и жертвенной любви к Богу они выше любого логического объяснения и не нуждаются в оправдании.

«В течение XV — XVI и начале XVII в., — по свидетельству Н. К. Никольского, — главными источниками экономического благосостояния монастыря были: земельные владения (и промысловые учреждения на них), пожертвования недвижимостью (за требоисправление), торговля и кабальные записи» [6, 1].

Основу экономического благосостояния обители заложил еще сам преподобный Кирилл: «Сохранилось свыше 40 поземельных крепостей (в подлинниках или в копиях) преподобного Кирилла, в том числе 24 купчих, которые показывают,

что он ни в принципе, ни на деле не отрицал монастырского права на вотчины. Из актов нельзя даже усмотреть нерасположения его к землям населенным. Он принял село от князя Андрея Дмитриевича, сам ставил деревни, покупал селения и на покупку их истратил 33 рубля и 205 белок — сумму для того времени значительную (особенно если принять в расчет дешевизну земли на севере)» [6, 11 — 12]. Казалось бы, сие историческое свидетельство противоречит житийному повествованию о безмолвии, к которому так стремился преподобный. Однако противоречие существует лишь при поверхностном восприятии вещей. Действительно, преподобный удаляется из Москвы безмолвия ради — не только внутреннего, которым он уже обладал, но и внешнего. Ибо безмолвие внешнее благоприятствует безмолвию внутреннему. Изначально монастырь Кириллов существует как пещера, как скит, а затем становится общежитием — такова была воля Божия, которую преподобный провидел и оком сердечным, и постигал ее во внешних обстоятельствах жизни. Таким поучительным обстоятельством был для Кирилла приход иноков из Москвы, которые желали общего жития с ним. А одним из внешних условий существования общежительного монастыря, особенно на севере Руси, являлось землевладение. Те крестьяне, которые населяли вотчины монастыря, являлись монастырскими, и платили подати не князю, а монастырю. Их поддерживал монастырь в голодные годы, им ежегодно выдавал практически беспроцентную ссуду зерном под посев, что так необходимо для развития земледелия в условиях севера. «Белозерье стало тогда заселяться, покрываясь сетью новых сел и деревень» [2, 28]. Преподобный Кирилл, как игумен Земли Русской, прекрасно понимал, что святая держава в условиях своего земного существования нуждается не только в малых, уединенных скитах и пустынях, но и в больших, сильных общежительных монастырях. Сильных и молитвенным безмолвием, и строгим уставом, благочестием, и военно-экономической мощью. В крупном общежительном монастыре можно было разделять служения в соответствии с духовным устройством и личными способностями каждого инока. Например: «Если игумен был представителем преимущественно духовной власти, то келарь заведывал внешним благоустройством монастыря» [3, 35]. Одновременно с этим, как свидетельствует исторический опыт, только при поддержке такого крупного монастыря, как Кирилло-Белозерский, в его окрестностях с начала XVI в. стало возможным существование многочисленных скитов (по примеру Нило-Сорского).

Как известно, устав и порядки Кирилло-Белозерского монастыря славились далеко по Руси и служили для многих монастырей образцом, ока-

зывая сильное влияние на их устройство уже с XV в. Слава эта разносилась далеко главным образом благодаря кирилловским постриженникам и паломникам.

Еще одним образцом влияния Кирилло-Белозерского монастыря на жизнь Святой Руси являлись подворья: «Кириллов монастырь по своим духовным, гражданским и хозяйственно-промышленным делам имел частые сношения со многими городами тогдашней Руси. Поэтому для приезда и остановки старцев и слуг монастырских там были подворья. Известны подворья в Пскове, Дмитрове, Нижнем Новгороде, в Угличе в кремле, в Каргополе, на Белоозере, в Ростове. Но особенно замечательны монастырские подворья в Москве и Вологде» [2, 41 об. — 42].

Уже в 1563 г. в Московском Кремле, в Афанасьевском монастыре у Фроловских ворот, было устроено Кирилловское подворье, которое управлялось строителями, посылаемыми из Кириллова монастыря [3, 42]. Деятельность монастырских подворий не сводилась к задачам хозяйственно-промышленным, торговым, гражданским или гостиничным. Не случайно же архимандрит Иаков среди монастырских дел на подворьях первыми называет дела духовные. Действительно так: чем бы по видимости монастырь ни занимался, он одухотворял, воцерковлял любое дело. Подворья содействовали монастырю свидетельствовать о себе в разных уголках России, в первую очередь в Москве. Именно на Московское подворье приезжали к царю со святой водой священники из Кириллова монастыря дважды в год — после памяти преподобного и после Успеньева дня [3, 42 об.].

«В XVII в. в Афанасьевском монастыре была церковь Афанасия Великого Александрийского с приделом преподобного Кирилла, чудотворца Белозерского. День памяти преподобного праздновался (около 1634 г.) торжественно: благовест в ревут, трезвон большой, а звон бывает, как Государь пойдет на Кирилловское подворье» [3, 42 об.].

Начало Вологодскому подворью было положено при царе Иоанне Грозном. «В 1652 г. в Вологде, на Кирилловом подворье, была построена каменная церковь во имя преподобного Кирилла Белозерского с приделом святителей Петра, Алексия, Ионы...» [3, 43 об.].

Приделы и церкви на монастырских подворьях, посвященные преподобному Кириллу, зримо свидетельствовали о великой обители великого чудотворца.

Разносторонняя деятельность преподобного Кирилла как игумена Земли Русской не завершилась в день его блаженной кончины. Несомненно, обширное духовное, культурное, хозяйственное, военное, государственное строительство велось Кирилло-Белозерским монастырем при молитвенном

содействии и покровительстве святого основателя сей крупнейшей русской обители. К примеру, по сокровенному благословению святого в 1448 г. место игумена Кирилло-Белозерского монастыря занимает Кассиан, постриженник и игумен Спасо-Каменного монастыря, свидетель жития преподобного Кирилла. Этот игумен участвовал в событии очень важном для Русской Церкви. В 1448 г. впервые, помимо Константинопольского патриарха, был избран в митрополиты Московские и всея Руси Рязанский епископ Иона. «Чтобы придти по этому случаю в соглашение с патриархом, — отмечает в своей «Летописи...» архимандрит Иаков, — великий князь Василий Васильевич и митрополит Иона к Цареградскому патриарху Геннадию дважды посылали “о церковном исправлении” Кирилло-Белозерского игумена Кассиана. Посольство достигло цели: московским митрополитам было предоставлено право не ходить в Константинополь для поставления, а ставиться дома своими епископами, и Русская митрополия с того времени стала считаться первою митрополиею в Восточной Церкви и Московский митрополит занял место по Иерусалимскому патриархе. Таким успехом доволен был князь, почтил игумена Кассиана и дал довольные требования монастырю» [3, 18].

Без молитвенного содействия преподобного Кирилла, как одного из игуменов Земли Русской, подобный успех был бы невозможен. Кассиан, вне всяких сомнений, перед отпавкой в Константинополь служил молебен у святых мощей преподобного Кирилла и молитвенно испрашивал его благословение.

Любая деятельность монастыря не ограничивалась сама собою, была не самоцелью, а утверждала жизнь человека и державы на началах веры, надежды и любви, на началах святости и преподобия. Проявлялось это весьма по-разному. Известно, например, что Кирилл Серков, руководивший строительством монастырских стен во второй половине XVII в., за десять лет до своей кончины постригается в монахи под именем Карнон и становится городовым старцем обители. Так строительное поприще для крестьянина из подмонастырской деревни увенчивается посвящением в ангельский образ. Молитвенная благодать великой обители благотворно действовала и на лиц, сюда заключаемых с целью их исправления. Одним из таких «явился князь Иван Андреевич Хворостин, которого для исправления царь и патриарх сослали в Кирилло-Белозерский монастырь» [3, 46 об.]. Не все русские люди выдержали искушение смутой: на таких, как князь Хворостин, близкое сношение с польскими и литовскими людьми неблагоприятно повлияло на чистоту нравов и крепость веры [3, 46]. В 1622 — 1624 гг. жил в обители сосланный князь. Ссылка оказалась ду-

шеспасительной: «Скончался Хворостин в монастыре у Троицы иноком Иосифом 28 февраля 1625 г.» [3, 47].

С той же целью ссылали в монастырь и в XVIII в. К примеру, «в 719 году июня в 7-й день по грамоте великого государя царя и великаго князя Петра Алексеевича... прислан в Кириллов монастырь салдат Семен Софронов за непристойные слова вместо каторжных работ для ево старости и быть ему в том монастыре неисходно до кончины живота ево и смотреть за ним против других таких накрепко, чтоб он непристойных никаких слов ни с кем бы не говорил...» [9].

Безусловно, самым знаменитым из сосланных в Кирилло-Белозерский монастырь был патриарх Никон, заключение которого продолжалось с июня 1676 до августа 1681 г. Патриарх, по свидетельству «Летописи...» архимандрита Иакова, — был одинок; к нему запрещалось входить не только посторонним мирским людям, но также и инокам Кириллова монастыря. Келейные вещи, которыми он пользовался в Ферапонтове, большею частью были отобраны, а из довольно обширной келейной библиотеки ему на руки были даны только две Следованных псалтири и Библия; бумаги, чернил ему не давали. Выход из келлии дозволялся только в церковь, где предписывалось ему стоять с молчанием во избежание всякого церковного мятежа...» [3, 49].

Патриарх Никон был, пожалуй, единственным монастырским невольником, который находился здесь не ради утверждения пошатнувшегося благочестия, а по особому испытательному промыслу Божию.

Область деятельности монастыря была необозримой. В начале XVII в. здесь, к примеру, кроме иконописного, развиваются производства резное, чеканное, финифтяное, басмьянное и другие. Материал, необходимый, для писания икон, покупался «почти ежегодно на Москве, в Вологде и особенно Ярославле... Доски иконные покупались готовыми. В октябре 1608 г. было куплено 209 досок образных...» [5, 96 — 97].

В начале XVII в., например, в монастыре писали иконы для раздачи богомольцам москвичи, вологжане и белозерцы. А со второго десятилетия XVII в. здесь работают по преимуществу ярославские иконники [5, 99 — 100]. К примеру, «с сентября 1608 по август 1611 г. ярославцы Владимир и Евстафий написали здесь 535 образов Пречистой Богородицы и чудотворца Кирилла» [4, 100]. Кроме того, иконы покупались в конце XVI в. в Москве, а в начале XVII — и в Вологде, и в Ярославле» [5, 103].

Свято Успенский Кирилло-Белозерский монастырь, как одна из главных опор Святой Руси, много содействовал распространению и утвержде-

нию иноческого жития: «Участие Кирилло-Белозерской обители в устроении монастырей, помимо заведывания ею приписными к ней пустынями, выразилось в пособии патриарху Никону при создании им Иверского монастыря и в возобновлении Валаамской обители... еще в 1718 г. монахи Кириллова монастыря начали возобновлять Валаамскую обитель...» [3, 52 об.]. Лампада Валаамского монастыря, разоренного шведами в начале XVII в., была вожжена от лампы Кирилло-Белозерского монастыря: кирилловский архимандрит Иринарх исходатайствовал перед императором Петром I разрешение на возобновление обители. Сие событие еще раз подтверждает нгуменское назначение Кирилло-Белозерского монастыря. Только по праву духовного дерзновения можно было решиться на возобновление далекой разоренной Валаамской обители в неблагоприятное реформаторское время. Несомненно, за решительными действиями монастыря и его архимандрита стоит один из неусыпных нгуменов Земли Русской — преподобный Кирилл. По молитвенному содействию сего святого, как епископа Северной Фиваиды, Кирилловская обитель влияла на иноческую жизнь всего Русского Севера.

Синодальный период в истории монастыря наименее изучен. По периодизации русской религиозной истории архимандрита Иоанна (Крестьянкина), этот период в сравнительном духовном отношении «соответствует святой тайне Елеосвящения. Исторически он начинается от царя Петра и продолжается до первой мировой войны».

В этот период русская интеллигенция разлагается и колеблется, уходит из России на Запад и приносит вместо былых своих добродетелей чуждые заблуждения.

«Число забывших Бога и избравших для себя кумиром царство земное лихорадочно растет. Идолы, сокрушенные святым князем Владимиром, оживают в душах колеблющихся. И река русской религиозной жизни замедляет свое течение» [10, 19 — 20].

Этому замедлению немало содействуют реформы западнически «просвещенных» государей — Петра I и Екатерины II. Господь попускает быть реформам в ответ на внутреннее разложение и колебание в интеллигентской части русского народа. Причина кроется не столько в самих по себе реформах, сколько в той духовной болезни, которая их вызывает. События внешние являются знаком происходящего внутри сердец. Например, при Петре I Церковь теряет патриаршество — одну из своих духовных опор, а при Екатерине II теряет земельные угодья — одну из своих внешних опор. За грех интеллигенции страдает Церковь. Именно Церковь страдает всегда первой, ибо в лице своего Главы — Христа она есть «Тело... еже за

Место первоначального поселения преподобного Кирилла на Белом озере

вы даемо...» (Лк. 22, 19) Единство со Христом является для Церкви залогом святости и непобедимости. В том и чудо непобедимости святой Церкви, что она жива в любое время, несмотря на любые реформы, революции, смуты и перестройки, несмотря даже на внутренние нестроения. Это подтверждает и 600-летняя история Свято-Успенского Кирилло-Белозерского монастыря. Молитвами преподобного Кирилла монастырь выстоял и в пору татарского лихолетья, и в годы смуты, и в синодальный период, и во время сатанинского пленения. Выстоял вопреки всему.

Некоторые исследователи иногда с затаенным богоборческим удовольствием приводят отрицательные факты из истории обители. Подобные исследователи, ограничиваясь приведением отрицательных исторических свидетельств, не могут увидеть ту тайную злохудожную силу, которая всевозможно и неусыпно печется о разрушении веры и благочестия. Подобные исследователи даже не подозревают о той непрестанной невидимой брани, которую ведет начальник «тайны беззакония» про-

тив Святой Руси. Конечно же, не все с должным мужеством и искусством выдерживают сию брань: иные падают и побеждаются лукавым злохудожником. Падшие заслуживают не столько злословия, сколько сожаления. Подобные исследователи не понимают удивительную по своей силе и непреложности истину: несмотря на множество падших, вопреки титаническому и неусыпному злоискусству дьявола, святая Церковь, по обетованию самого Христа, остается святою и неодолимою.

Авторы книги «Великая государева крепость» приводят, например, свидетельство путешественника Н. И. Челищева, который в 1791 г. побывал в Кирилло-Белозерском монастыре: «Там нет ни нравов, ни благочиния, ни радения ни в чем и ни в ком...» [11, 195] Подобного же рода свидетельство, уже из уст княгини М. К. Тенишевой, посетившей монастырь в 1904 г., используют авторы статьи «История Кирилло-Белозерского музея-заповедника» [12, 9]. В фактических показаниях обоих путешественников чувствуется тот дух интеллигентского высокомерия и огульного осуждения, который не может глубоко и здраво оценивать даже самые очевидные вещи. Так ли уж «ни в чем и ни в ком» не было «ни нравов, ни благочиния, ни радения»? Да и могут ли эмансипированные путешественники достоверно оценивать монашескую жизнь, во многом недоступную для надменно-любопытного взора? Челищев видел лишь монашеские согрешения, но не видел монашеского покаяния, которое не трубит о себе перед каждым заезжим путешественником. В том же 1791 г. в монастыре, пораженном, по мнению Челищева, духом нерадения, к западной стене Успенского собора пристраивается вместо удаленной паперти XVI в. новое массивное входное помещение, которое значительно увеличивает объем древнего храма. В XVIII же веке в монастыре сооружаются малые больничные палаты и церковь преподобного Кирилла (на месте обветшавшего храма XVI в.), надстраивается колокольня. Именно в XVIII в. завершается и приобретает цельность архитектурный лик монастыря.

С начала XVIII в. обитель преподобного Кирилла утрачивает военное значение, а в 1764 г. в результате секуляризации монастырских земель наступает и ее экономический упадок, начавшийся еще с начала века — со времен Петровских реформ.

Однако сила Божия в немощи совершается. Сие касается не только человека, но и обители. Одним из наиболее очевидных подтверждений этому явилось событие, связанное с монастырем и совершившееся уже в следующем веке.

«Летом 1854 г. по воле Божией посетила отечество наша холера, во время которой город Кириллов был чудесно избавлен от нея» [13, 14].

Во избежание холеры, которая появилась в окрестностях города, «решено было испросить разрешения обойти с крестным ходом вокруг города вместе с чудотворною иконою Божией Матери «Одигитрия», принесенною святым Кириллом. Так как вера в спасительную силу чудотворного образа была велика, то и явилась полная надежда на благодатную Заступницу. С разрешения Святейшего Синода и с соизволения Государя Императора Николая Павловича позволено было обойти город с крестным ходом, и с тех пор ежегодно в этот день совершается крестный ход вокруг... основанного около монастыря... г. Кириллова. Как только совершили молебствие со слезными молитвами и обнесли чудотворный образ вокруг города, бедствие прекратилось, болезнь исчезла и более не появлялась» [13, 14 – 15].

С тех пор возникла традиция: в день празднования иконе Божией Матери «Одигитрия» после литургии в соборном храме Успения Богородицы и молебна в часовне при выходе из монастыря совершать крестный ход вокруг города «при стройном пении духовных песнопений с припевом: “Пресвятая Богородице, спаси нас!” и при пасхальном звоне колоколов во всех церквах» [13, 15 – 16].

В начале XIX в. в монастыре для братии висела красочная памятка, назидавшая в основах иноческого поведения в соответствии с уставом преподобного Кирилла. К примеру, в одном из правил дается совет: «Идя из келлии в церковь, должно в походе сохранять благоговение, отнюдь не бегать, по сторонам не смотреть, руками не махать, но иметь глаза и руки опущенными к земле» [14].

Особенно внимательным в соблюдении духовных традиций обители становится архимандрит

Иаков (Поспелов). Составленная им «Летопись событий Кирилло-Белозерского монастыря» создает цельный и величественный образ обители. Образ сам по себе назидательный, ко многому обязывающий. Красной нитью через всю «Летопись...» проходит мысль о неумалимом величии обители. Эту мысль архимандрит Иаков подтверждает многочисленными примерами. Вот один из них: «Имя Кирилло-Белозерского игумена Матфея стоит среди подписей членов Земского Собора, избравшего на царствование в 1613 г. Михаила Феодоровича; архимандрит Никита участвовал в Соборах 1663 и 1666 гг. По уничтожении патриаршества некоторые их архимандритов в XVIII в. были членами Святейшего Правительствующего Синода» [3, 31].

Еще одним внешним свидетельством внутренней значимости Кирилло-Белозерской обители было учреждение здесь в 1907 г. по указу Святейшего Синода кафедры Кирилловского епископа, который являлся вторым викарием Новгородской епархии.

9 июня 1897 г. обитель торжественно отпраздновала свое 500-летие. В крестном ходе вокруг обители, который увенчал праздничные торжества, участвовало более 50 священнослужителей во главе с архиепископом Новгородским и Старорусским Феогностом и епископом Можайским Тихоном.

В октябре 1924 г. угасает лампада Свято-Успенского Кирилло-Белозерского монастыря. Угасает, чтобы, вопреки всему, вновь возжечься и засвидетельствовать всему миру непобедимость святой обители, святой державы и святой Церкви.

Литература

1. ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 395.
2. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1993.
3. Иаков (Поспелов), архимандрит. Летопись событий Кирилло-Белозерского монастыря с 1397 по 1893 год. Архив Кирилло-Белозерского музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40.
4. Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Т. XXXVI. Л., 1981.
5. Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397 – 1625). Т. 1. Вып. 1. СПб., 1897.
6. То же. Вып. 2. СПб., 1897.
7. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладозский. Самодержавие Духа. СПб., 1994.
8. Петрова Т. Пещерные монастыри как явление русской духовной культуры // К Свету. № 17. С. 90 – 115.
9. Архив Кирилло-Белозерского музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20.
10. Иоанн (Крестьянкин), архимандрит. Проповеди. М., 1993.
11. Кирпичников А. Н., Хлопнин И. Н. Великая государева крепость. Л., 1972.
12. Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994.
13. Кирилло-Белозерская икона Божией Матери «Одигитрия». Одесса, 1902.
14. Архив Кирилло-Белозерского музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22.